

Воспоминанія о моей жизни и ученіи въ Сергіевскомъ посадѣ (1825—1830).

I.

На старости лѣтъ, пришло мнѣ неодолимое желаніе вспоминать и записывать воспоминанія первыхъ лѣтъ счастливейшаго времени въ моей жизни, проведенныхъ въ Сергіевскомъ Посадѣ (1825—1830). Объ этомъ времени я уже прежде написалъ кое-какія воспоминанія, но въ нихъ вошли свѣдѣнія о родныхъ и знакомыхъ, а о тогдашнемъ положеніи Московской Духовной Академіи сохранилось слишкомъ мало свѣдѣній. А между тѣмъ Академія, которую я чту и люблю всѣмъ сердцемъ, какъ мою истинную *alma mater*, хотя я не имѣлъ счастья быть въ прямомъ ея составѣ, подверглась съ тѣхъ поръ многимъ перемѣнамъ. Постараюсь описать то впечатлѣніе, которое она производила на меня въ теченіе сказанныхъ пяти лѣтъ.

Но прежде того необходимо сказать нѣсколько словъ о себѣ и о семействѣ, къ которому я принадлежалъ. Въ началѣ 1824 года семья наша временно жила въ Москвѣ, въ Грузинахъ, въ домѣ грузинца Журулова, въ послѣдствіи перешедшемъ къ П. А. Курбатову. Семья наша состояла изъ отца моего, графа Владиміра Степановича Толстаго, матери—графини Прасковьи Николаевны, рожденной Сумароковой, родной тетки ея, пожилой дѣвicy Елисаветы Андреевны Сумароковой, меня (род. 1812 г.) и сестры моей Саши (род. 1816 г.). Главною цѣлю пребыванія нашего въ Москвѣ было присканіе учителя, который могъ бы преподавать мнѣ необходимыя науки, живя вмѣстѣ съ нами въ деревнѣ. Эта цѣль была достигнута, какъ каза-

лось, удачно. Къ намъ поступилъ, за 1200 рублей ассигнаціями въ годъ, магистръ Московскаго Университета Иванъ Алексѣевичъ Кобрановъ (magister artium liberalium, какъ онъ всегда величалъ самъ себя). Онъ оказался отличнымъ преподавателемъ, а я весьма старательнымъ ученикомъ, чувствуя недостаточность моего ученія въ предшествовавшіе годы, отъ частыхъ перерывовъ преподаванія и неимѣнія постоянныхъ наставниковъ. Могу сказать безъ хвастовства, что тогда я обладалъ неизмѣрною памятью ¹⁾, весьма живымъ воображеніемъ и страстнымъ желаніемъ учиться, а потому оказалъ въ нѣсколько мѣсяцевъ такіе успѣхи, особенно въ латинскомъ языкѣ, что возбудилъ удиленіе профессора Академіи О. А. Голубинскаго ²⁾.

Вскорѣ мы выѣхали изъ Москвы всей семьей въ имѣніе моей матери, село Камепки, Владимірской губ., Александровскаго уѣзда, въ 20 верстахъ отъ Лавры преп. Сергія. Мое ученіе продолжалось съ прежнимъ успѣхомъ, но увы! — продолжалось не долго. Въ октябрѣ того же года учитель мой Кобрановъ вдругъ занилъ и надѣлалъ такихъ безобразій, что оказалось необходимымъ удалить его. Родители мои обратились къ О. А. Голубинскому съ просьбою — прискаты мнѣ учителя изъ окончившихъ курсъ въ Академіи. Но эта просьба оказалась не исполнимою, потому что въ Академіи было весьма ограниченное число студентовъ и всѣ они по окончаніи курса поступали въ училищную службу. Это обстоятельство, огорчившее моихъ родителей, послужило къ моему счастью: О. А. Голубинскій, успѣвшій уже полюбить меня, предложилъ моимъ родителямъ — помѣстить меня къ нему на житье, обѣщая самъ заняться моимъ образованіемъ. Родители мои на это не согласились; они рѣшили нанять домъ въ Сергіевскомъ Посадѣ и переселиться туда. Отецъ былъ въ восторгѣ; онъ надѣялся сблизиться съ корпораціей Академическихкихъ наставниковъ. Принялись за присканіе квартиры и наконецъ наняли за 600

¹⁾ Такъ, наприм., одинъ изъ прежнихъ моихъ учителей задать мнѣ выучить наизусть всю первую главу Евангелія отъ Луки (80 стиховъ) и я выучилъ ее въ два часа, не ошибившись ни въ одномъ словѣ.

²⁾ Феодоръ Александровичъ Голубинскій познакомился въ 1821 году съ отцомъ моимъ и бывалъ у насъ въ деревнѣ.

руб. ассигнаціями въ годъ домъ А. П. Зубкова на Дворянской (теперь называющейся Виоанской) улицѣ ¹⁾.

Началась перевозка вещей въ новую квартиру. Наконецъ все было готово, но намъ не удалось переѣхать. Отецъ мой внезапно занемогъ своею обыкновенною болѣзнію—спазмами въ животѣ. Онъ надѣялся, что болѣзнь сама собою пройдетъ, какъ бывало прежде, но на этотъ разъ, не смотря на двукратный пріѣздъ изъ Сергіевскаго Посада штаб-лѣкаря Степана Григорьевича Витовскаго, болѣзнь перешла въ воспаленіе желудка и кишекъ и отецъ мой скончался 19 февраля въ присутствіи врача и пріѣхавшаго съ нимъ будущаго моего наставника Ѳ. А. Голубинскаго. Послѣдній вызвался сказать и сказать въ свое время надгробное слово изъ текста: „Аще и пойду посредеѣ сѣни смертныя, не убоюся зла“ (Псал. 22, 4) ²⁾. Погребеніе почившаго было совершено 23 февраля. На другой день вечеромъ мы переѣхали въ Сергіевскій Посадъ.

Сергіевскій Посадъ, куда мы переселились 24 февраля 1825 года, составилъ изъ слободъ, окружающихъ одну изъ знаменитѣйшихъ обителей иноческихъ въ Россіи, Свято-Троицкую Сергіеву Лавру. Говорить объ ней считаю излишнимъ: кому же изъ православныхъ Русскихъ неизвѣстна, хотя по слуху, лавра преп. Сергія Радонежскаго? Но я долженъ сказать нѣсколько словъ о помѣщающейся въ Лаврѣ Московской Духовной Академіи, въ то время еще мало извѣстной, такъ что нѣкоторые, даже изъ образованнаго класса людей, не умѣли различать ее отъ духовныхъ семинарій.

Открытіе этого высшаго училища Богословскихъ наукъ совпало съ окончаніемъ перваго курса преобразованной по новому уставу С.-Петербургской Духовной Академіи. Ака-

¹⁾ Домъ этотъ построенъ княжною Голицыною въ концѣ прошлаго вѣка; митрополитъ Платонъ посѣщать въ немъ хозяйку. Послѣ кончины ея купилъ его по очень дешевой цѣнѣ А. П. Зубковъ и съ 1 января 1825 года отдалъ намъ вънаймы на три года. Домъ, съ виду большой, былъ намъ малопомѣстителенъ, потому что состоялъ только изъ шести комнатъ. При немъ были два флигеля, выходившіе на улицу, немощеную и очень грязную. Въ одномъ изъ нихъ поселился дядька мой Иванъ Львовичъ Ждановъ; потомъ жилъ въ немъ В. А. Мичуринъ (о немъ будетъ сказано ниже). Другой былъ обращенъ въ людскую—для нашей многочисленной прислуги.

²⁾ Это трогательное и глубокомысленное слово въ 1865 году было напечатано въ духовномъ журналѣ „Странникъ“.

демія Московская была открыта 1 октября 1814 года и помѣщена въ зданіяхъ, занимаемыхъ прежде Лаврской семинаріей; къ нимъ присоединенъ былъ корпусъ, называемый царскими чертогами, и вновь пристроенъ былъ такъ называемый „инспекторскій“ корпусъ. Въ то время, когда мы переѣхали въ Посадъ, въ Академіи продолжался 5-й курсъ воспитанниковъ.

Первое время по переселеніи въ Посадъ, не столько Академія, сколько Лавра произвела на меня сильное впечатлѣніе. Съ самаго дѣтства я любилъ торжественность въ церковной службѣ и старался изучить церковный уставъ; съ восхищеніемъ раза два или три видѣлъ архіерейское служеніе. Стройная, неспѣшная служба и превосходное пѣніе монаховъ въ Троицкомъ соборѣ привлекали меня до такой степени, что я радовался, какъ какому нибудь удовольствію, когда отправлялся съ маменкой и съ бабушкой къ обѣднѣ въ Троицкій соборъ Лавры. Мало-по-малу успѣли мы ознакомиться съ главными лицами Лавры.

Тогдашній намѣстникъ Лавры и настоятель Виоанскаго монастыря архимандритъ Аѳанасій, старецъ доброй жизни, весьма кроткій, радушный и снисходительный ко всѣмъ, очень скоро сблизился съ матерью моею и бывалъ у насъ довольно часто. Онъ былъ изъ неученыхъ, ремесломъ иконописецъ, долго завѣдывалъ иконописной школой при митр. Платонѣ и образовалъ пѣсколько искусныхъ учениковъ, между которыми лучшимъ былъ художникъ Малышевъ, заступившій мѣсто Аѳанасія въ завѣдываніи школою. Прежде намѣстники Лавры назначались изъ префектовъ семинаріи Лаврской, или изъ числа другихъ ученыхъ монаховъ. Когда архимандритъ Никаноръ Клементьевскій (окончившій жизнь въ санѣ митрополита Новгородскаго и Петербургскаго въ 1856 году) изъ намѣстниковъ Лавры поступилъ на должность ректора Виоанской семинаріи и получилъ въ управленіе Петровскій монастырь, архіепископъ Московскій Августинъ, по совѣту пріѣзжавшаго тогда въ Лавру ревизора, доктора богословія, архимандрита Филарета (впослѣдствіи знаменитаго митрополита Московскаго) назначилъ намѣстникомъ Лавры Аѳанасія, въ 1818 году. Отъ о. Аѳанасія случалось мнѣ слышать анекдоты о митрополитѣ Платонѣ и его управленіи; иногда онъ показывалъ мнѣ рисунки прежней своей работы и, въ числѣ

прочихъ, рисунокъ митры, заказанный ему Платономъ, съ тѣмъ, что бы на митрѣ изображенъ былъ „весь рай“. Иконописецъ не могъ разрѣшить такой мудреной задачи, но посоветовался съ учителемъ Лаврской семинаріи, Василиемъ Михайловичемъ Дроздовымъ (тѣмъ же Филаретомъ впоследствии), и Дроздовъ научилъ его сдѣлать такъ: на верху митры поставить образъ Троицы, окруженный ангельскими ликами; спереди изобразить распятаго Спасителя съ Богородицей и Предтечею по сторонамъ, а прочее пространство митры занять образами пророковъ, апостоловъ, святителей, мучениковъ и другихъ святыхъ. Эта митра и теперь хранится въ Виоанской ризницѣ. Въ управленіи Лаврой добрый старецъ былъ слишкомъ снисходителенъ; когда говорили ему, что пужно монаховъ держать построжее, онъ отвѣчалъ: „ахъ окаянные, окаянные, измучили они меня! А взискать се могу: самъ я всѣхъ грѣшнѣй.“ Онъ скончался уже по кереждѣ нашемъ въ Москву, 23 февраля 1831 года. Поплѣдняя болѣзнь о. Аонасія продолжалась не долго и не назалась опасною; но онъ имѣлъ какое-то предвѣстіе о приближающейся кончинѣ. Въ послѣдній день его жизни, когда ректоръ Академіи архимандритъ Поликарпъ (рѣчь о немъ будетъ впереди) зашелъ къ больному и шути звалъ его къ себѣ на именины, о. Аонасій съ веселымъ лицомъ отвѣчалъ ему: „сегодня-же я званъ на другой праздникъ; оттуда уже больше не ворочусь сюда.“ И дѣйствительно, во время обѣда ректора-именинника, удары въ царь-колоколъ возвѣстили о смерти намѣстника. Тѣло о. Аонасія погребено за алтаремъ Сошественской церкви.

По слабости о. Аонасія и неопытности его въ хозяйственной части, все хозяйство Лавры, а особенно стровительное дѣло, были переданы въ полное распоряженіе казначея Арсенія, къ которому митрополитъ Филаретъ имѣлъ полное довѣріе. Онъ построилъ большую каменную гостиницу, которая тогда называлась „новой“, а теперь зовется старой, и нѣсколько другихъ строеній. Въ награду за полезную дѣятельность онъ получилъ санъ архимандрита и званіе настоятеля Коломенскаго Голутвина монастыря, не оставляя должности казначея Лавры до 1828 года, когда былъ переведенъ въ первоклассный Иверскій монастырь; тамъ вскорѣ онъ умеръ, оставивъ своимъ роднымъ значительный капиталъ нажитой въ Лаврѣ.

Пресмникомъ Арсенія въ должности казначея былъ ризничій іеромонахъ Теофілъ, котораго о. намѣстникъ Леонасій очень любилъ и почти всегда приводилъ съ собою къ моей матери. Онъ былъ человѣкъ тихій и скромный, но безъ всякаго образованія, что было особенно замѣтно, когда онъ показывалъ ризницу посѣтителемъ. Такъ напр., показывая крестъ, присланный преп. Сергію отъ патріарха Филовея, онъ всегда прибавлялъ, что этотъ крестъ сдѣланъ изъ жезла, которымъ Моисей разсѣкъ Черное море. Онъ былъ послѣ архимандритомъ Тверскаго Отроча монастыря, умеръ на покоѣ въ Лаврѣ и погребенъ близъ Смоленской церкви.

Между лаврскими старцами былъ особенно замѣчательнъ гробовой іеромонахъ Іона, прежде бывший протоіерей университетской церкви въ Москвѣ. Онъ окончилъ курсъ въ прежней Лаврской семинаріи, порядочно зналъ латинскій языкъ, страстно любилъ писать стихи, которые, впрочемъ, выходили всегда очень неудачны.

Свои вирши онъ полагалъ на голосъ, заставляя пѣть вмѣстѣ съ собою своихъ многочисленныхъ духовныхъ дочерей, пріѣзжавшихъ къ нему изъ Москвы, и любилъ раздавать свои произведенія всѣмъ, кто посѣщалъ его. Вотъ образчикъ его стихотворства:

„Сергій постный, богоносный,
Въ пеленахъ сущъ, постъ имѣлъ,
Въ среду и пятокъ говѣлъ
Безъ плача,
Отроча“.

Чтобы имѣть всегда съ собою достаточное количество экземпляровъ для раздачи, онъ очень часто обращался съ просьбой къ молодому инспектору Виѣанской семинаріи іеромонаху Θεодотію (о немъ будетъ послѣ), заставить семинаристовъ переписать 10, 20 листковъ „моей поэзіи“, какъ онъ говорилъ. Θεодотію надоѣло наконецъ это порученіе и онъ прибавилъ на смѣхъ къ одному канту такой послѣдній куплетъ:

„Сии стихи сложили многими трудами,
Но не слишкомъ вѣрными рѣчями
Строгий блюститель лаврска закона,
Старець Іона“.

Этотъ эпилогъ огорчилъ старца, и онъ пересталъ обращаться къ Θεодотию. Впрочемъ, не смотря на эту странность, о. Іона пользовался всеобщимъ уваженіемъ за свою доброту, сострадательность и безкорыстіе, а въ особенности за необыкновенный подвигъ. не задолго предъ тѣмъ имъ совершенный. Говорятъ, что преосв. Августинъ обѣщаль сдѣлать его намѣстникомъ Лавры, но по совѣту Филарета, предпочелъ ему Аѳанасія. Обманутый въ ожиданіи почетнаго положенія и обиженный тѣмъ, что неученый іеромонахъ сдѣлался его начальникомъ, Іона не надѣялся вытерпѣть свое неудовольствіе безъ ропота, а потому наложилъ на себя безусловное молчаніе. Этотъ подвигъ онъ выдержалъ въ теченіи семи лѣтъ и только наканунѣ Рождества Христова въ 1824 году, въ первый разъ далъ разрѣшеніе своему языку, залѣвъ громогласно кондакъ: „Дѣва днесь Пресущественнаго раждасть“. Послѣ того онъ сдѣлался необыкновенно разговорчивъ, такъ что о. намѣстникъ говорилъ о немъ: „теперь о. Іона хочетъ наговориться вдоволь за всѣ тѣ годы, когда молчалъ“. Отецъ Іона былъ духовникомъ всей братіи; у него же исповѣдывалась моя мать, бабушка и сестра. Онъ скончался въ глубокой старости около 1835 года и погребенъ въ Лаврѣ, недалеко отъ могилы о. Аѳанасія.

Въ тоже время были въ Лаврѣ и другіе старцы, достойные уваженія. У меня въ памяти сохранились: Леонтій, Игнатій, схимники Матоей и Харитонъ.

Леонтій родомъ изъ Болгаръ, постриженникъ монастыря Хиландаря на Аѳонѣ, едва-ли не тайный схимникъ, жилъ въ Лаврѣ съ 1812 года. Объ немъ я слышалъ любопытный разсказъ отъ преосв. Самуила, епископа Костромскаго, бывшаго намѣстникомъ Лавры при митрополитѣ Платонѣ. „Весною 1812 года (такъ говорилъ при мнѣ Θεодору Александровичу преосв. Самуиль) я поѣхалъ въ Виѳанію къ владыкѣ съ докладомъ, кого прикажетъ онъ поставить въ часовню явленія Божіей Матери на мѣсто умершаго монаха? Митрополитъ отвѣчалъ мнѣ непонятными рѣчами о какомъ-то монахѣ, который идетъ къ намъ съ Аѳонской горы. Черезъ нѣсколько времени я опять доложилъ владыкѣ о томъ-же, и получилъ тотъ-же отвѣтъ. Признаюсь, я подумалъ, что владыка нашъ отъ старости забывается и не

помнить что говоритъ, тѣмъ болѣе, что тогда у насъ была война съ Турками, и всѣ пути сообщенія были прерваны. Но что-же вышло? Вдругъ являетесь ко мнѣ монахъ-болгаринъ, по имени Леонтій, съ паспортомъ генерала Кутузова (впослѣдствіи князя Смоленскаго). Оказалось, что этотъ монахъ отправился изъ Аѳонской Лавры въ нашу, по особому откровенію во снѣ, и сверхъ всякаго чаянія благополучно прошелъ мимо турецкой арміи въ нашу главную квартиру къ главнокомандующему. Когда я доложилъ о томъ владыкѣ, онъ сказалъ: „помнишь, я говорилъ тебѣ объ Аѳонскомъ монахѣ?“ Тогда только я понялъ, что слова нашего великаго архипастыря были не бессознательны, а пророчественны, и поставилъ Леонтія въ часовню“. Такъ рассказывалъ при мнѣ пресв. Самуиль, въ своемъ Ипатьевскомъ монастырѣ, въ іюлѣ 1825 года. О. Леонтій прослужилъ въ часовнѣ до глубокой старости. Иногда видали его по ночамъ молящимся подъ окномъ запертой часовни снаружи, при свѣтѣ лампы, которая неугасимо теплится предъ чудотворною иконою. По глубокому смиренію, онъ жилъ и умеръ простымъ монахомъ, не согласившись принять рукоположеніе.

Игнатій, также простой монахъ (въ мірѣ Иванъ Ермолаевъ, изъ штатныхъ служителей Лавры, ремесломъ маляръ), зажигалъ стаканчики на позолоченой верхней чашѣ огромной Лаврской колокольни во время пріѣзда императора Павла I-го въ 1797 году послѣ коронаціи. По неосторожности онъ упалъ оттуда, но не долетѣвъ до земли, повисъ, зацѣпившись спиной за острия, желѣзные украшенія второго яруса. Его сняли безъ чувствъ, но безъ поврежденія; только на спинѣ сохранился навсегда рубецъ содранной кожи. Послѣ того онъ поступилъ въ число лаврской братіи. Въ мое время онъ жилъ въ Лаврской больницѣ и служилъ пономаремъ при церкви Зосимы и Савватія. Онъ едва зналъ грамотѣ, но любилъ читать отеческія писанія и особенно книгу „Добротолюбіе“. Изъ этихъ источниковъ старецъ очень удачно дѣлалъ выписки, располагая на отдѣльныхъ листахъ, смотря по содержанію; такъ, на одномъ листѣ говорилось о смиреніи, на другомъ о терпѣніи и т. д. Эти листы смиренный монахъ подносилъ иногда О. А. Голубинскому, и не менѣе смиренный фи-

лософъ принималъ ихъ съ уваженіемъ и благодарностью, потому-что дорожилъ каждою доброю мыслью, гдѣ-бы она ни попадалась.

Схимонахи Матѳей и Харитонъ сдѣлались болѣе извѣстными уже по смерти. Я засталъ ихъ еще при жизни: первый изъ нихъ, іеромонахъ Михаилъ, бывшій прежде духовникомъ лаврской братіи, отличался глубокимъ смиреніемъ и строгимъ постничествомъ. Избѣгая почтенія отъ людей, онъ иногда передъ богомольцами притворялся юродивымъ, за что и былъ смѣненъ изъ духовниковъ. Иногда онъ какъ будто предсказывалъ, и предсказанія его перѣдко сбывались. Такъ и мнѣ, еще мальчику, онъ сказалъ однажды, что у меня будетъ жена Елизавета Петровна. Я вообразилъ тогда, что это предсказаніе относится къ одной хорошенькой барышнѣ, которая мнѣ очень нравилась, хотя и была лѣтъ на десять старше меня; но это предсказаніе сбылось гораздо позднѣе, а именно въ 1850 году, когда я женился на княжнѣ Елизаветѣ Петровнѣ Волконской.

Другой подвижникъ Харлампій, также простой монахъ, и также изъ полуграмотныхъ, почти до конца жизни находился при часовнѣ, стоящей на мѣстѣ кельи преподобнаго Сергія. Онъ былъ тамъ сначала помощникомъ о. Леонтія, а потомъ заступилъ его мѣсто, когда послѣдній ослабѣвъ отъ старости и почти лишившись употребленія ногъ, перешелъ на жительство въ больницу. О. Харлампій особенно заботился объ украшеніи вѣренной ему часовни; богатая риза на огромной иконѣ Явленія Божіей Матери преп. Сергію и много другихъ окладовъ остались памятниками усердія о. Харлампія. Когда устроенъ былъ Геосиманскій скитъ, Михаилъ и Харлампій поступили туда изъ первыхъ. Тамъ они приняли схиму: Михаилъ съ именемъ Матѳея, а Харлампій съ именемъ Харитона. Тамъ-же оба кончили жизнь почти въ одно время и погребены у подножія большаго креста на скитскомъ холмѣ ¹⁾.

Лѣтомъ 1825 года, послѣ праздника преп. Сергія, мы поѣхали всей семьей къ дядѣ Петру Николаевичу Сумарокову въ село Красное, Нерехтенскаго уѣзда. Съ нами по-

¹⁾ О томъ, какъ они сдѣлались извѣстными по кончинѣ своей, см. „Монастырскія письма“, изд. 3-е. Москва, 1884.

ѣхалъ и почтенный мой наставникъ, желая повидаться съ своими родителями, жившими тогда при церкви Ипатьевской слободы къ Костромѣ. Изъ Краснаго я приѣзжалъ съ матерью въ Кострому для поклоненія Θεодоровской иконѣ Божіей Матери, былъ въ гостяхъ у родителей Ѳ. А. и ходилъ съ нимъ въ Ипатьевскій монастырь. Тамъ мы встрѣтили преосв. Самуила и слышали отъ него разсказъ о митрополитѣ Платонѣ и монахѣ Леонтиѣ. Это лѣтнее путешествіе было для меня очень пріятно и сохранилось въ моей памяти, какъ послѣдній образчикъ продолжительныхъ странствій на старинный ладъ, т. е. въ нѣсколькихъ экипажахъ на своихъ лошадяхъ. Ызда продолжалась слѣдующимъ порядкомъ: мы выѣхали послѣ обѣда, на другой день обѣдали въ Переяславлѣ, на третій въ Ростовѣ, откуда, своротивъ съ большой дороги, приѣхали ночевать въ село Бурмакино и уже на четвертый день добрались до Краснаго. По возвращеніи въ Посадъ, въ концѣ августа, каждый изъ насъ возвратился къ обычнымъ своимъ занятіямъ. Когда наступила осень и сдѣлалось холодно и сыро, мать моя, много натерпѣвшаяся отъ мороза, при слабомъ своемъ здоровьѣ, въ холодномъ Троицкомъ соборѣ (тогда еще не было въ немъ печей) рѣшилась ѣздить къ обѣднѣ въ трапезную церковь, предоставленную на праздничные дни академическому братству, а на всенощныя, совершавшіяся съ вечера въ ректорской квартирѣ, въ той самой залѣ, гдѣ теперь бывають академическіе обѣды въ праздникъ 1-го октября и другіе торжественные дни. По этому случаю она должна была познакомиться съ ректоромъ Академіи; и съ того времени я началъ присматриваться къ академическому быту.

Во главѣ судебъ и дѣйствій академіи стоялъ въ то время знаменитый архіепископъ Филаретъ (Дроздовъ). Съ нимъ матушка познакомилась еще прежде и была принята имъ очень внимательно; и я бывалъ нерѣдко въ кельяхъ владыки вмѣстѣ съ ней. Кому не извѣстны имя и дѣла митрон. Филарета? До сихъ поръ никто изъ ближайшихъ къ нему людей еще не могъ достойно описать его жизнь. Тѣмъ менѣе доступно это мнѣ. Болѣе всего поражалъ опъ меня глубиною, острою и мѣткостью своихъ замѣчаній на публичныхъ академическихъ экзаменахъ, изъ которыхъ я по

пропустилъ ни одного во все время житія моего въ Посадѣ и съ каждымъ годомъ наслаждался ими болѣе и болѣе, по мѣрѣ собственнаго моего развитія. Во время экзаменовъ всѣ трепетали предъ Филаретомъ. Позднѣе, приближаясь уже къ старости, онъ совершенно переработалъ свой характеръ: сдѣлался снисходительнымъ и кроткимъ. Но въ то время, о которомъ я говорю, было еще далеко отъ такой перемѣны; горячность его выходила иногда изъ предѣловъ. По истеченіи почти полувѣка, многое позабылось; но я теперь еще помню, что на экзаменахъ чаще и сильнѣе доставалось наставникамъ, нежели студентамъ. Особенно на ректора Поликарпа градомъ сыпались замѣчанія и укоры. Отцу Евлампію, назвавшему полемическое богословіе „воительнымъ“, владыка сказалъ: „отчего-же не назвать солдатскимъ богословіемъ?“ Въ другой разъ замѣтилъ ему-же, при слушаніи весьма длиннаго трактата его объ Аріанской ереси: „какъ ты усердно сражаешься съ тѣнями!“ На экзаменѣ изъ всеобщей словесности разбиралась однажды, какъ образцовое произведеніе, надпись Рубана къ памятнику Петра I (Колоссъ Родосскій и проч.); владыка разобралъ и мысли, и слова этой надписи, со свойственною ему острою и точностью, и доказалъ почтенному профессору Доброхотову, что это вовсе не образцовое произведеніе. Способности студентовъ владыка умѣлъ оцѣнить почти съ перваго взгляда. Объ одномъ изъ нихъ онъ отзывался: „этотъ весь—плоть“. Слово оказалось мѣткимъ и вѣрнымъ.

Ректоръ Академіи, докторъ богословія архимандритъ Поликарпъ не былъ любимъ владыкою, хотя принадлежалъ къ числу лучшихъ учениковъ его въ первомъ курсѣ Петербургской Академіи, когда Филаретъ былъ тамъ ректоромъ, и въ 1822 году при его-же содѣйствіи получилъ степень доктора богословія. Но въ Академіи его уважали какъ наставники, такъ и студенты за исправность въ исполненіи обязанностей, за откровенное прямотушіе и безпристрастіе, и всѣ любили его за доброе сердце и ласковое обращеніе. Какъ настоятель ставропигіальнаго Новоспасскаго монастыря, онъ пользовался хорошими доходами, но никогда не копилъ денегъ, употребляя ихъ не только на свои нужды и удовольствія, но и на помощь всѣхъ нуждающимся. Были

и свои недостатки у о. Поликарпа: при веселомъ общительномъ нравѣ, онъ любилъ провести время съ пріятелями, выпить съ ними пуншу и поиграть въ карты, (за что, можетъ быть, и не любилъ его Владыка). Но онъ обладалъ двумя драгоцѣнными качествами: онъ никого не осуждалъ и всегда готовъ былъ помочь всякому всѣмъ, что отъ него зависѣло.

Въ 1835 году, во время лѣтней вакаціи, о. Поликарпъ лишился должности ректора Академіи по слѣдующему случаю: въ Лавру пріѣхалъ въ первый разъ Андрей Николаевичъ Муравьевъ, не задолго предъ тѣмъ опредѣленный на службу при Св. Синодѣ. Намѣстникъ лавры, о. Антоній, показывая гостю все достойное вниманія въ Лаврѣ и окрестностяхъ, привезъ его въ Виоанскія рощи. Тамъ встрѣтили они о. Поликарпа съ нѣсколькими профессорами, занимавшихся рыбною ловлей. Почтенные рыболовы предъ этимъ напились чаю, конечно, не безъ рому, и были довольно веселы. Познакомившись съ Муравьевымъ, о. Поликарпъ завелъ шутливый разговоръ, причемъ пріѣзжій сказалъ не впопадъ какой-то текстъ, приписывая его апостолу. „А какой апостоль это сказалъ“? со смѣхомъ спросилъ о. Поликарпъ. „Апостоль Муравьевъ такъ говоритъ“, отвѣчалъ Андрей Николаевичъ съ досадою. „А такихъ апостоловъ недавно вѣшали“, возразилъ съ громкимъ хохотомъ о. Поликарпъ, намекая на казнь извѣстнаго декабриста. Взбѣшенный этою шуткою, Муравьевъ отмстилъ за нее клеветою въ Синодѣ, и вскорѣ послѣдовало синодальное распоряженіе объ увольненіи о. Поликарпа отъ должности ректора съ оставленіемъ ему настоятельства въ Новоспасскомъ монастырѣ.

Преемникомъ его былъ назначенъ инспекторъ академіи, архимандритъ Филаретъ Гумилевскій (впослѣдствіи знаменитый архіепископъ Черниговскій). Распечатавъ пакетъ съ этимъ распоряженіемъ, о. Поликарпъ подаль бумагу своему преемнику, сказавъ: „Tibi gratulor, mihi gaudeo“ (тебя поздравляю, за себя радуюсь). Въ послѣдующіе за тѣмъ дни, до самаго отъѣзда въ Москву, онъ удивлялъ всѣхъ своимъ невозмутимымъ спокойствіемъ, оставаясь также благодушнымъ и веселымъ, какъ и всегда. Въ Москвѣ онъ прожилъ недолго: 10 января 1837 года онъ скончался отъ

чахотки. О послѣднихъ дняхъ его жизни сохранилась у меня слѣдующая собственно-ручная записка Ѳ. А. Голубинскаго: „о. Поликарпъ былъ человѣкъ чуждый притворства, открытый, веселый, незлобивый, кроткій. Живши съ нимъ болѣе одиннадцати лѣтъ, мы во все это время не видали его сердитымъ и не слыхали, чтобы онъ чѣмъ нибудь похвасталъ. Онъ имѣлъ нерѣдко знаменательныя сновидѣнія и предчувствія. Однажды подъ утро, въ тонкомъ снѣ, представилось ему, будто входитъ къ нему одинъ знакомый, жившій въ то время въ другомъ городѣ, за 160 верстъ, и срывать съ него одѣяло. Ощущеніе это такъ было живо, что онъ въ ту же минуту проснулся и смотрѣлъ на дверь, не тутъ-ли посѣтитель? Черезъ недѣлю узнали, что этотъ самый его знакомый въ то самое утро скончался. Въ другой разъ видѣлъ онъ во снѣ, будто съ нимъ сидятъ за столомъ мать его и покойный братъ, и будто послѣдній, наклонясь къ нему говоритъ: „я беру матушку къ себѣ“. Черезъ нѣсколько дней получено извѣстіе, что мать его, жившая отъ него за 300 верстъ, именно въ эту ночь умерла. Слишкомъ за годъ до своей смерти, находясь въ бодрственномъ состояніи, онъ видѣлъ передъ собою самого себя, испугался и сказалъ: „видно мнѣ недолго жить“. Скорби переносилъ кротко, не вина никого, кромѣ самого себя. Имѣлъ столь смиренное чувство о самомъ себѣ, что, прощаясь съ учениками и сослуживцами, въ присутствіи стороннихъ людей, среди церкви, выговорилъ: „много я учился, но въ разумъ истины не пришелъ“. Въ послѣдній годъ жизни проводилъ время уединенно въ трудѣ, обязанностию себѣ поставилъ каждодневно читать непремѣнно утреннія и вечернія молитвы, соблюдалъ воздержаніе въ употребленіи пищи и питія. Прежде онъ былъ довольно толстъ, а передъ смертію убыло объема его тѣла на три четверти противъ прежняго, и это было слѣдствіемъ какъ двухмѣсячной болѣзни, такъ и предшествовавшаго болѣзни воздержанія. За день до смерти, послѣ особорованія масломъ, онъ говорилъ окружающимъ его: „Я видѣлъ пниѣ сонъ. Нѣкто изъ святыхъ явился мнѣ и сказалъ: бѣдный Поликарпъ, ты страдаешь. Иисусъ Христосъ прислалъ меня, чтобы утѣшить тебя. Онъ прощаетъ грѣхи твои и дастъ тебѣ вѣчную жизнь, не потому, чтобы ты былъ того достоинъ, но по своему мило-

сердію, и потому, что многіе за тебя молятся и просятъ. Се здравъ еси, къ тому не согрѣшай“. Явившагося ему онъ признавалъ за св. Димитрія Муроточиваго. А на другой день, незадолго до своей кончины, говорилъ что въ ту же ночь онъ имѣлъ двѣнадцать особенныхъ сновидѣній, въ которыхъ являлись неизвѣстныя лица и говорили: „Ты умрешь... ты умрешь... Хочешь-ли умереть“? На сіи вызовы, въ продолженіи одиннадцати явленій, онъ отзывался несогласіемъ; а въ двѣнадцатое явленіе, наконецъ, согласился умереть. Послѣ сего уже являлся къ нему св. Димитрій, чтобы его утѣшить. Скончался мирно, сохранивъ сознание до послѣдней минуты“. Могила его подъ соборнымъ храмомъ Новоспасскаго монастыря.

Инспекторъ Академіи въ первый годъ нашего житія въ Посадѣ, архимандритъ Платонъ (Березинъ) магистръ перваго курса Московской Академіи, казался мнѣ человѣкомъ скромнымъ и добродушнымъ. Ф. Ф. Измайловъ¹⁾ въ запискахъ своихъ отзывался о немъ такъ: „въ 1826 году взяли у насъ любимаго ректора (Никанора) и прислали какого-то чудака, съ которымъ трудно было ужиться. Человѣкъ худо отесанный, онъ зналъ только школу и монашество, и то въ первой былъ не далекъ, а къ послѣднему способенъ потому, что въ свѣтѣ, между порядочными людьми, никуда не годился. Грубость въ обхожденіи, гордость предъ низшими, низость предъ высшими, подозрительность, недоброжелательство и, по временамъ, какая-то противная ласка, всѣ эти качества составляли въ новомъ ректорѣ персону, невыразимо неприятную.“ Черезъ два года, о. Платонъ былъ перемѣщенъ въ должность ректора Кіевской Духовной Академіи, но вскорѣ по приѣздѣ въ Кіевъ—скончался.

Кромѣ ректора и инспектора, были еще въ Академіи два духовныхъ лица: бакалавры-іеромонахи Евлампій и Иоанасій. Первый изъ нихъ, магистръ Московской Академіи втораго курса, служитъ типомъ самаго примѣрнаго монашескаго житія: строгій до суровости къ самому себѣ, онъ столь-же былъ строгъ ко всѣмъ, кто отъ него зависѣлъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ неутомимъ въ церковной службѣ; чѣмъ

¹⁾ Магистръ втораго курса М. Д. Академіи въ запискахъ его, помѣщенныхъ въ „Прав. Обзорѣніи“ 1870 г., стр. 117.

долѣе она продолжалась, тѣмъ ему было пріятнѣе. Проповѣди его было безмѣрно-длины, всегда въ три, четыре и болѣе аргументовъ. Лекціи писалъ онъ самымъ тяжелымъ языкомъ, періодами, растянутыми до того, что на мелко исписанной страницѣ рѣдко встрѣчалось болѣе одной точки. Притомъ эти періоды были испещрены текстами въ скобкахъ, и студентъ на экзаменѣ публично принужденъ былъ вставлять эти тексты въ свой отвѣтъ, который растягивался отъ того до безобразія. Это весьма не нравилось митрополиту и Евлампій всякій разъ получалъ отъ него выговоръ ¹⁾. Даже въ частныхъ письмахъ Евлампій сохранялъ

¹⁾ А студенты жаловались, говоря: „съ любовію лекціи учти спротивлено-сложенныя,—неудобно есть“. На публичныхъ экзаменахъ всегда доставалось Евлампію. Однажды онъ представилъ на экзаменѣ трактаты о степеняхъ совершенства нравственныхъ дѣйствій христіанскихъ. Параграфъ, который надобно было прочитать въ отвѣтъ, изложенъ періодомъ относительнымъ: чѣмъ болѣе, тѣмъ болѣе. Протазисъ имѣлъ по крайней мѣрѣ три члена, столько же и анотазисъ этого длиннаго періода. Мало того: каждый протазисъ имѣлъ свой текстъ св. Писанія, какъ бы въ подтвержденіе свое. Студентъ прочиталъ періодъ безъ текстовъ. Но его безпрестанно останавливалъ о. Евлампій, требуя произнесенія текста на каждый членъ періода. Когда же студентъ молчалъ, то Евлампій произносилъ тексты сами; даже сдѣлалъ ему замѣчаніе: „доказывайте изреченіями св. Писанія ваши разсужденія, дабы иначе не подумали, что вы разсуждаете произвольно, безъ основаній!“ Въ это время Филаретъ нетерпѣливо взглядывалъ то на студента, то на Евлампія, потомъ, когда былъ протазисъ періода, Филаретъ возбужденно заговорилъ, обращаясь къ Евлампію: „священнымъ писаніемъ надобно доказывать полную истину, а не часть ея. Есть ли скажете: „чѣмъ дѣйствіе чище по намѣренію и затѣмъ тотчасъ придадите изреченіе св. Писанія, вы сдѣлаете глупость, потому что будете доказывать слова, а не мысль, которая еще неизвѣстна. Посему вы напрасно сбивали съ толку студента и навязывали ему вашу безмыслицу“. Затѣмъ Владыка сталъ слушать другого. Этотъ читалъ параграфъ о единствѣ закона Моисеева и закона Евангельскаго. Владыка далъ прочитать параграфъ, потомъ началъ опровергать прочитанное. Въ параграфѣ доказывалось единство законовъ Моисеева и Евангельскаго единствомъ законодателя, Сына Божія. Филаретъ на это сказалъ: „Императрица Екатерина написала соляной уставъ и уставъ о губерніяхъ. Слѣдовательно соляной уставъ и уставъ о губерніяхъ суть одинъ и тотъ же законъ?“ Въ параграфѣ доказывалось единство законовъ единствомъ дѣли.—Филаретъ сказалъ: „петербургская дорога ведетъ въ Москву, и Дмитровская дорога ведетъ въ Москву же. Слѣдовательно петербургская и Дмитровская дороги суть одна дорога?“ О. Евлампій выслушалъ сей несладкій урокъ молча, а студенты съ удовольствіемъ выслушали поспрашаніе своего нелюбимаго инспектора.

тотъ же слогъ; вотъ для образца записка его къ моей матери: „Благоволите, Ваше Сіятельство, пожаловать, прислать мнѣ пару въ сани запряженныхъ лошадей, дабы я могъ привести въ дѣйствию мои предположенія касательно исполненія нѣкоторыхъ необходимыхъ посѣщеній“. На простомъ языкѣ это значило: хочу пріѣхать къ вамъ пить чай, прошу прислать лошадей. Вотъ образъ мыслей его о поведеніи студентовъ: „между студентами усматриваются три порока: 1) поведеніе студента бываетъ „песообразное“, если онъ заботится о своей наружности, старается уподобиться свѣтскому щеголю, а не будущему служителю церкви; 2) „безобразное“ поведеніе обнаруживается въ излишнемъ употребленіи спиртныхъ напитковъ; 3) признаки поведенія „злобразнаго“: недостатокъ повиненія и вообще уваженія къ начальству, дерзость и грубость. Первый изъ этихъ пороковъ наказывается напряженными увѣщаніями и выговорами, второй — постепеннымъ пониженіемъ въ спискѣ, а третій требуетъ изгнанія изъ Академіи. Только о. ректоръ много мѣшаетъ“, прибавлялъ онъ, намекая на добродушіе о. Поликарпа. Когда онъ заступилъ мѣсто Платона въ должности инспектора Академіи, студенты тотчасъ-же не влюбились въ него за непопулярную взыскательность, и эта нелюбовь продолжалась все пятнадцатилѣтнее его инспекторство. Онъ не спускалъ безъ взысканія ни малѣйшей вины и, можетъ быть, многіе изъ воспитанниковъ подверглись-бы исключенію изъ Академіи, если-бы не защищала ихъ благодѣтельная снисходительность о. Поликарпа. Въ 1831 году онъ сдѣлался ректоромъ Виѣанской семинаріи, въ 1834 г. посвященъ въ санъ епископа Екатеринбургскаго, викарія Пермскаго, потомъ былъ епархіальнымъ епископомъ въ Орлѣ, въ Вологдѣ и, наконецъ, архіепископомъ Тобольскимъ. Скопчался на покой, въ Свіяжскомъ монастырѣ и погребенъ въ бывшей кельѣ св. Германа обращенной въ церковь. — Доанасій Дроздовъ, очень молодой іеромонахъ, магистръ 4-го курса, отличался очень бойкими способностями и неутомимымъ трудолюбіемъ по классу герменевтики. При необыкновенно красивой наружности, онъ постоянно чуждался женщинъ и бѣгалъ отъ нихъ, какъ отъ заразы; впрочемъ и вообще не любилъ общества и все время проводилъ надъ книгами. Въ 1828 годѣ получилъ санъ архимандрита и назначенъ

ректоромъ Пензенской семинаріи. Позднѣе былъ ректоромъ Петербургской Академіи и вмѣстѣ съ тѣмъ епископомъ Винницкомъ, потомъ епископомъ Саратовскимъ и, наконецъ, архіепископомъ Астраханскимъ. Скончался на покой въ 1876 году. Отъ него слышалъ я въ 1846 году слѣдующій рассказъ: „когда я пріѣхалъ въ Пензу на должность ректора семинаріи и явился къ преосв. Иринею, давно уже извѣстному своими странностями, онъ встрѣтилъ меня словами: „вотъ какихъ юношей посылаютъ къ намъ управлять семинаріями“ и вообще принялъ меня очень недружелюбно. Спустя нѣсколько времени, мнѣ было назначена проповѣдь на Троицынъ день; я изготовилъ ее и подаль заранѣе преосвященному, но отъ служенія отказался за множествомъ хлопотъ предъ началомъ экзаменовъ. Стоя въ алтарѣ во время литургіи, я замѣтилъ, что архіерей сердится и кидаетъ на меня косые взгляды. Въ надлежащее время я произнесъ проповѣдь о духѣ страха Божія; но каково было мое удивленіе, когда преосв. Ирией, вышедъ изъ алтаря по окончаніи обѣдни, остановился на амвонѣ и началъ свое слово, въ которомъ увѣрялъ народъ, что я напрасно училъ страху Божію: Бога нужно любить, а не бояться, по слову апостола: „совершенная любовь изгоняетъ страхъ“ (1 Иоан. IV, 18). Скандаль былъ всеобщій. Послѣ обѣдни духовенство и высшее общество города отиравились къ архіерею на закуску; я же не зналъ, что мнѣ дѣлать: идти или нѣтъ; но рѣшился пойти, чтобъ не прослыть гордецомъ во мнѣнии владыки. Проводя гостей, онъ удержалъ меня на нѣсколько минутъ, принесъ изъ кабинета золотыя англійскіе часы, которыми весьма дорожилъ и спросилъ меня: „какъ ты думаешь, отецъ ректоръ, что мнѣ дороже, ты или эти часы?“ Что мнѣ было отвѣчать? Если скажу, что часы дороже, скажетъ, что я считаю его сребролюбцемъ, а въ противномъ случаѣ будетъ увѣрять, что я слишкомъ много о себѣ думаю. Послѣ минутнаго размышленія я отвѣчалъ: „думаю, что человѣкъ, по образу Божію созданный и кровію Христовою искупленный, дороже всякой неодушевленной вещи“. „Правду ты говоришь, отецъ ректоръ, сказалъ преосвященный; за это дарю тебѣ часы“. Послѣ этого случая преосв. Ирией былъ ко мнѣ постоянно ласковъ до отъѣзда своего въ Сибирь, куда былъ перемѣщенъ на Иркутскую епархію.

Упомянутый выше о. Евлампій по желанію моей матери сдѣлался моимъ духовникомъ; онъ въ первый разъ исповѣдывалъ меня 22 мая 1825 года и на другой день приобщилъ св. таинъ, отслуживъ нарочно раннюю литургію вмѣстѣ съ студентомъ іеродіакономъ Сергіемъ (Клировымъ). Послѣ того я близко познакомился съ Сергіемъ, а чрезъ него съ товарищами его и сожителями, также студентами іеродіаконами Палладіемъ и Иннокентіемъ, а также съ однимъ изъ непостриженныхъ студентовъ, Александромъ Иродіоновичемъ Сергіевскимъ. Другихъ студентовъ пятого курса я не зналъ въ этомъ году.

Студенты-монахи очень близко со мною сошлись; впоследствии, возмужавъ, я очень удивлялся, что могло быть общаго въ сближеніи двадцати-пяти лѣтнихъ ипоковокъ, уже почти готовыхъ сдѣлаться наставниками, съ 14-лѣтнимъ мальчикомъ, а между тѣмъ мы были дружны между собою, какъ будто ровесники. Они жили въ отдѣльной комнатѣ сзади ректорскихъ келій, въ которой и теперь живутъ студенты-монахи. На двери этой комнаты было написано масляными красками изображеніе горящей свѣчи и при немъ надпись: *lux in tenebris lucet* (свѣтъ во тьмѣ свѣтитя). Сергій былъ человѣкъ впечатлительный, пылкій и увлекающійся; окончивъ курсъ, онъ получилъ мѣсто смотрителя Перервинскаго училища; потомъ былъ инспекторомъ Орловской семинаріи и архимандритомъ, но послѣ одного несчастнаго приключенія, окончилъ жизнь свою въ числѣ Кіевопечерской братіи. Другіе два монаха—Палладій (Виноградовъ) и Иннокентій (Пекрасовъ) были веселаго и живаго нрава и не стремились къ подвижничеству, подобно Сергію, который однажды вздумалъ было отказаться отъ ученой службы и поступить въ число братіи Троицкой Лавры. Особенно любилъ я Палладія. По окончаніи курса онъ былъ инспекторомъ Казанской семинаріи, потомъ ректоромъ Пермской семинаріи. Скончался въ 1835 году. Иннокентій, человѣкъ спокойнаго, невозмутимаго нрава, былъ назначенъ смотрителемъ въ Боровское училище, потомъ былъ инспекторомъ и позднѣе ректоромъ Нижегородской семинаріи. Въ 1842 году уволенъ за болѣзнію на покой и вскорѣ умеръ.

Въ концѣ того-же 1825 года получено извѣстіе о кончинѣ Александра I въ Таганрогѣ, и послѣдовала присяга—сперва

на имя цесаревича Константина, а потомъ, черезъ нѣсколько дней, на имя Николая I. Владыка рассказывалъ моей матери нѣкоторыя подробности о перенесеніи чрезъ Москву тѣла почившаго Императора. „Въ комиссіи печальной церемоніи,“ говорилъ онъ, „сидѣли князь Димитрій Владиміровичъ Голицынъ, князь Николай Борисовичъ Юсуповъ, графъ Петръ Александровичъ Толстой и я. Князь Юсуповъ предложилъ, чтобы, по тѣснотѣ Архангельскаго собора, постлатъ помостъ поверхъ всѣхъ гробницъ тамъ находящихся, и на этомъ помостѣ поставить катафалкъ. Я отвѣчалъ, что князю Николаю Борисовичу, проведенному цѣлую жизнь при Дворѣ, лучше меня должно быть извѣстно, прилично-ли попирать ногами царскія гробницы. Объ этомъ я спорить не буду, но попирать св. мощей не позволю. Полъ былъ настланъ поверхъ гробницъ, но надъ раками царевича Димитрія и Черниговскихъ чудотворцевъ прорѣзаны отверстія окруженныя рѣшотками. Въ другой разъ, князь Юсуповъ представилъ въ комиссію рисунокъ балдахина, покрытаго сверху флеромъ; надъ нимъ, почти уже въ куполѣ, должны были горѣть огни, представляющіе вѣнецъ изъ звѣздъ. Я замѣтилъ, что отъ этихъ звѣздъ можетъ произойти пожаръ и, пожалуй, придется приводить въ соборъ полицейскую команду съ трубами и насосами. Меня не послушали, но послѣ флеръ дѣйствительно вспыхнулъ и надѣлалъ тревоги. Князь очень гнѣвался на мои замѣчанія, и нѣвъ его дошелъ до Петербурга, такъ что Государь поручилъ князю Димитрію Владиміровичу примирить князя съ архіепископомъ; я отозвался, что вовсе не желалъ прогнѣвать князя, но только исполнялъ свою обязанность“.

Послѣдніе дни 1825 года и начало 1826 были для жителей Москвы эпохою безпокойствъ и ужаса: много семействъ поражено было скорбію о внезапно схваченныхъ и увезенныхъ въ Петербургъ родственникахъ, подозрѣваемыхъ въ участіи въ томъ преступномъ заговорѣ, который разразился бунтомъ 14 Декабря. Въ это время появилась въ Посадѣ престарѣлая генеральша Елизавета Степановна Текутьева. Она бѣжала изъ Москвы, напуганная народнымъ слухомъ, будто-бы при перевезеніи тѣла Императора Александра I будетъ тамъ такой-же бунтъ, какой былъ въ Петербургѣ. Старуха находилась въ постоянномъ безпокойствѣ, пере-

ходила изъ церкви въ церковь въ сопровожденіи двухъ старыхъ горничныхъ, молившихся вмѣстѣ съ нею, и сердилась, когда находила запертою которую нибудь изъ церквей. „Бога не бояться монахи, не дадутъ мнѣ душу успокоить“, говорила она. Поведеніе ея въ церкви, особенно послѣ конца богослуженія, доходило до странностей. Приложившись ко всѣмъ иконамъ, до которыхъ могла достать устами, она становилась посреди церкви и начинала посылать рукою поцѣлуи къ верхнимъ рядамъ иконостаса, приговаривая: „тебѣ батюшка; тебѣ матушка; успокойте мою душу горемычную“. Я слѣдилъ за нею не однократно и сознаю очень забавлялся такими ея выходками.

У Е. С. Текутьевой была дочь, Марья Ивановна, въ супружествѣ за генераломъ Петромъ Ефимовичемъ Лопухинымъ. Этотъ Лопухинъ, въ молодости видный и красивый человѣкъ, служилъ при Императорѣ Павлѣ поручикомъ въ одномъ изъ гвардейскихъ пѣхотныхъ полковъ. Однажды, на разводѣ Государь замѣтилъ Лопухина и спросилъ фамилію. „Вы сударь, не родня-ли князю Петру Васильевичу?“ — Племянникъ, Ваше Императорское Величество“. „Жалую Васъ штабсъ-капитаномъ“. По отъѣздѣ Государя съ развода, сослуживцы объяснили недалековидному Лопухину, что сказанная имъ ложь можетъ обойтись дорого, если онъ заблаговременно не упробитъ князя принять его въ родство. Онъ тотчасъ-же кинулся къ князю Лопухину, упалъ ему въ ноги и разсказалъ все, что случилось. „Ну, хорошо, будь племянникомъ“, сказалъ усмѣхнувшись старикъ. „Поѣзжай скорѣе во дворець, свези записочку Анетѣ (т. е. княжнѣ Аннѣ Петровнѣ, дочери стараго князя), чтобы она знала, что ты намъ родня“. Въ тотъ-же вечеръ Павелъ I сказалъ князю: „А вы, сударь, мнѣ не сказали, что у васъ есть племянникъ въ моей гвардіи“. — „Я желалъ, Государь, чтобы онъ самъ заслужилъ ваше вниманіе“. — „Я его сегодня отыскалъ и взыскалъ моею милостью“. Старикъ, конечно, поблагодарилъ за мнимаго племянника. Съ того дня Петръ Ефимовичъ началъ такъ быстро повышаться по службѣ, что чрезъ два года былъ уже генераль-майоромъ и генераль-адъютантомъ. При воцареніи Александра I, онъ вышелъ въ отставку и около 1820 года умеръ. Разсказъ объ немъ я слышалъ неоднократно отъ жены его и тещи.

Во время коронаціи императора Николая Павловича мнѣ случилось быть въ Москвѣ, и от. Паликарпъ, назначенный къ служенію литургіи, какъ настоятель старшаго изъ ставропигіальныхъ монастырей (Новоспасскаго) и ректоръ Духовной Академіи, провелъ меня съ собою въ соборъ. Литургію готовились служить два митрополита: Серафимъ Новгородскій и Евгенийъ Кіевскій и архіепископъ Московскій Филаретъ, которому въ тотъ-же день пожалованъ бѣлый клобукъ. Не стану описывать извѣстныхъ всѣмъ обрядовъ коронаціи скажу только объ одномъ обстоятельстве, которое осталось для меня памятнымъ. Нашъ владыка почему-то опоздалъ и спѣшилъ скорѣе облачиться, стоя передъ жертвенникомъ. Въ ту минуту, когда на обѣ руки его иподиаконы надѣвали поручи, вдругъ поклонился ему въ землю архимандритъ въ облаченіи и богатой бриллиантовой митрѣ. „Кто это?“ спросилъ владыка. — „Юрьевскій архимандритъ Фотій, отвѣчалъ тотъ вставая. Прошу вашего святительскаго благословенія.“ — „Теперь не время, и здѣсь не мѣсто.“ Этими словами Московскій архипастырь далъ замѣтить Фотію, что онъ, проживъ два мѣсяца на дачѣ графини Орловой (въ Нескучномъ), давно уже долженъ былъ явиться за благословеніемъ къ мѣстному владыкѣ, а не беспокоить его въ то время, когда онъ спѣшитъ для встрѣчи Государя.

Между тѣмъ, какъ въ Москвѣ происходили торжества коронаціи, въ Лаврѣ случилось грустное происшествіе. Оконченъ былъ 5-й учебный курсъ въ Академіи; списокъ студентовъ составленъ академическою конференціею, и ученые степени назначены, но еще не утверждены Комиссіею Духовныхъ Училищъ. Кончившіе курсъ воспитанники разъѣзжались каждый на свою родину, и проводы товарищей сопровождались иногда дружескимъ угощеніемъ. Послѣ одного изъ этихъ проводовъ, студентъ Михаилъ Лаговскій (Костромичъ), которому уже назначена была степень кандидата, пришелъ ко всенощной въ Успенскій соборъ и сталъ пѣть безобразно. Инспекторъ Академіи Евлампій приказывалъ ему замолчать, но онъ не послушался. По окончаніи службы, Лаговскій на выговоръ инспектора отвѣчалъ ему какою-то грубостью, за что былъ запертъ въ карцеръ. Въ ту же ночь послано было къ митрополиту донесеніе о происшествіи. На другой день призвалъ митрополитъ ректора Поликарпа,

находившагося въ Москвѣ, и сказалъ ему: „знаешь-ли, что дѣлается у тебя въ Академіи? Вотъ прочти письмо инспектора“. Пораженный неожиданною новостью, о. Поликарпъ старался смягчить гнѣвъ архипастыря и вымолить пощаду виновному. Для этого онъ нѣсколько разъ поклонился въ ноги митрополиту, чего прежде никогда не дѣлалъ. И Ѳеодоръ Александровичъ Голубинскій нарочно поскакалъ въ Москву съ тою-же цѣлью, но всѣ просьбы остались тщетными: владыка рѣшилъ, что въ настоящее время нельзя оставить такого поступка безъ наказанія, тѣмъ болѣе, что слухъ объ немъ можетъ дойти до Двора, находившагося въ Москвѣ. Бѣдный Логовскій выпущенъ былъ изъ Академіи студентомъ съ дурнымъ аттестатомъ и возвратился на родину въ Кострому, гдѣ года черезъ три умеръ отъ чахотки. До конца жизни своей онъ получалъ ежегодное пособіе отъ о. Поликарпа.

Вѣроятно, проступокъ Лаговскаго былъ бы наказанъ менѣе строго или менѣе жестоко, если бы Филаретъ не опасался присутствія Двора въ Москвѣ. Это время было послѣднимъ срокомъ гоненія на архіепископа Московскаго отъ графа Аракчеева, министра Шишкова и слабаго орудія ихъ митрополита Серафима: запрещенъ былъ катихизисъ Филарета, осуждена была проповѣдь его на день Благовѣщенія и проч. Но бѣлый клобукъ, пожалованный Филарету, сразу прекратилъ смуту, тѣмъ болѣе, что она направлена была не прямо противъ Филарета, а противъ князя А. Н. Голицына, уже въ то время низвергнутаго.

Въ Святѣйшемъ Синодѣ хотѣли предъ тѣмъ уничтожить академическія ученые степени и прекратить по нимъ пенсію. Большаго труда стоило митрополиту Филарету отстоять ученые степени, но въ оконченномъ V курсѣ утверждено только шесть магистровъ и одиннадцать человекъ кандидатовъ, съ правомъ на полученіе степени магистра по выслугѣ двухъ лѣтъ съ одобреніемъ мѣстнаго начальства. Въ числѣ магистровъ находились А. И. Сергіевскій, племянникъ преосв. Филарета по матери,—родной сестрѣ владыки, И. П. Богоявленскій, извѣстный мнѣ, какъ сынъ священника села Опарина, сосѣдняго съ нашими Каменками, И. Н. Рождественскій, послѣ долго бывшій предсѣдателемъ Общества любителей духовнаго просвѣщенія и П. Игн. Беневоленскій. 6 сентяря 1894 года и послѣдній изъ нихъ,

маститый отецъ протоіерей Рождественскій, скончался. — Всѣ прочіе гораздо раньше почилы отъ трудовъ своихъ.

Едва не пропустилъ я одного обстоятельства, имѣвшаго довольно важныя для меня послѣдствія. Вскорѣ послѣ коронаціи я заболѣлъ очень странною нервною болѣзнію, которая много походила на эпилепсію и отличалась отъ послѣдней только тѣмъ, что во время припадковъ ея я не терялъ сознанія. Меня лѣчилъ знаменитый практикъ профессоръ Медико-Хирургической Академіи І. Е. Дядьковскій; но успѣха не было. По счастью, въ Костромѣ оказался докторъ Мичуринъ, очень удачно вылѣчившій подобную болѣзнь на мѣстѣ своей родины. Матушка узнала объ немъ отъ брата своего П. Н. Сумарокова и успѣла уговорить Мичурину перебраться въ Сергіевскій Посадъ, предложивъ ему 100 руб. ассигнаціями въ мѣсяць при полномъ содержаніи и квартирѣ. Мичуринъ съ радостію согласился, потому что въ Костромѣ онъ оставался почти безъ практики и не имѣлъ штатнаго мѣста.

Василій Леонасьевичъ Мичуринъ былъ человѣкъ хорошо учившійся, внимательный къ больнымъ и отъ природы одаренный способностію къ діагнозу. Сначала онъ тщательно наблюдалъ за мною, потомъ поѣхалъ въ Москву посоветоваться съ учителями своими М. Я. Мудровымъ и Е. О. Мухинымъ. Онъ угадалъ болѣзнь и къ веснѣ 1827 года я совершенно выздоровѣлъ, а временемъ лѣченія, не занимаясь науками, я воспользовался для наблюденій надъ студенческою жизнью въ Академіи, въ которой имѣлъ много знакомыхъ между студентами VI курса. Пятый курсъ окончился; изъ числа новыхъ магистровъ поступили бакалаврами въ академію: А. И. Сергіевскій—на греческій и И. Н. Богоявленскій на еврейскій языкъ. Первый былъ преемникомъ П. М. Терновскаго (впослѣдствіи доктора и профессора богословія въ Московскомъ университетѣ). А Богоявленскій, сначала профессоръ Тверской семинаріи, сталъ бакалавромъ спустя нѣсколько позже на мѣсто выѣзжавшаго Март. Леон. Ловцева, оставившаго къ всеобщему сожалѣнію, духовную службу. Ловцевъ былъ рукоположенъ во священника церкви Троицы, въ Кожевникахъ, а послѣ былъ законоучителемъ Екатерининскаго института. Скончался въ 1869 году въ санѣ протоіерей церкви Богоматери, именуемой:

Неопалимая Купина. Супруга его отличалась красотою и образованностію. Дочь его Софія Мартиновна, съ отличнымъ успѣхомъ и наградою окончившая курсъ въ Екатерининскомъ институтѣ и бывшая въ супружествѣ за профессоромъ и ректоромъ Академіи, докторомъ богословія Сергѣемъ Константиновичемъ Смирновымъ, и теперь здравствуетъ, окруженная многочисленнымъ цвѣтушимъ семействомъ, состоящимъ изъ дѣтей, внуковъ и правнуковъ.

Хотя курсъ былъ оконченъ, но принадлежащіе къ нему студенты не скоро еще разъѣхались, въ ожиданіи мѣстъ. Нѣсколько ранѣ другихъ получили мѣста мои пріятель, студенты-монахи. Имъ было предоставлено право получить, черезъ два года, степень магистра, по одобренію мѣстнаго начальства. Изъ трехъ одинъ только Палладій успѣлъ воспользоваться этимъ правомъ.

Графъ М. Толстой.
